

УДК [82-32:821.111] (71)

UDC [82-32:821.111] (71)

**ЭВОЛЮЦИЯ
АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО
РАССКАЗА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
КАНАДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ****THE EVOLUTION
OF THE ANIMALISTIC NARRATIVE
IN ENGLISH-LANGUAGE
CANADIAN LITERATURE**

Н. А. Развадовская,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской
и зарубежной литературы Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4682-089>*

N. Razvadovskaya,
*D. in Philology, Associate Professor
Department of Belarusian
and Foreign Literature at the Belarusian
State Pedagogical University
named after Maksim Tank
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4682-089>*

Поступила в редакцию 06.02.2025.

Received on 06.02.2025.

В литературоведении проблема анималистического жанра является дискуссионной, поскольку отсутствуют дефиниция понятий «анималистика» и «анималистический жанр». В статье рассматривается история становления анималистики в литературе, анализируются различные интерпретации понятий «анималистика» и «анималистический жанр», а также исследуется эволюция жанра анималистического рассказа на материале произведений Ч. Г. Д. Робертса, Э. Сетон-Томпсона и Ф. Моуэта.

Ключевые слова: англоязычная канадская литература, анималистический жанр, антропоморфизация, метафоризация, аллегория, образ, рассказ о природе, документальность, фокализация, тема, пейзаж, национальная специфика.

In literary studies, the problem of the animalistic genre is debatable, since there is no definition of the concepts of «animalism» and «animalistic genre». The presented article examines the history of the formation of animalism in literature, analyzes various interpretations of the concepts of «animalism» and «the animalistic genre», and examines the evolution of the genre of animalistic storytelling based on the works of C. G. D. Roberts, E. Seton-Thompson and F. Mowat.

Keywords: English-language Canadian literature, animalistic genre, anthropomorphization, metaphorization, allegory, image, nature story, documentary, focalization, theme, landscape, national specifics.

Человек с момента своего появления на Земле всегда существовал бок о бок с животными, поэтому анималистические образы бытуют в культуре с древнейших времен. Первые из известных изображений животных относятся к периоду позднего палеолита (около 40–10 тыс. лет назад); в словесном искусстве образы животных возникли в дописьменный период – ранее всего в мифах, где нашли отражение представления людей об окружающем мире. В мифах различных народов животные выступали как демиурги (мифы австралийских аборигенов, североамериканских индейцев, нивхов), как божества (Баст в Древнем Египте, Хануман в индуизме, Апис в Мемфисе), как культурные герои (древнекитайский Фу Си), как прародители народов (медведь у нанайцев, волк у тюрков) и т. д. [1]. По мере десакрализации мифа анималистические образы переходят в сказку, где обнаруживается слабая связь с древними верованиями – зоолатрией и тотемизмом (сказки о животных). Однако основная функция анималистических образов в них – аллегорическая: животные олицетворяют определенные человеческие качества (глупость, смелость, жестокость, плутовство и т. п.). В волшебных сказках животные перестают быть центральными персонажами и выступают лишь в качестве чудесных помощ-

ников главных героев [2]. Тот же аллегоризм анималистических образов наблюдается и в баснях, начиная с Эзопа и заканчивая современными баснописцами (О. Емельянова, Н. Красковский, А. Дельнов и др.). В античной литературе анималистические образы чаще всего фигурируют в дидактических поэмах («Труды и дни» Гесиода, «Георгики» Вергилия), где животные изображаются как пассивные объекты человеческой деятельности, в отдельных романах («Метаморфозы, или Золотой осел» Апулея) и пародийных поэмах («Батрахомиомация»), где осуществляется метафоризация анималистических образов. Также к периоду поздней античности относится «Физиолог» – собрание текстов, содержащих сведения как о реально существующих животных, так и фантастических [3]. От «Физиолога» берет начало и средневековый жанр бестиария, который представлял собой перечень реальных и вымышленных животных с их описанием и символическими толкованиями с позиции христианской религии, например: пеликан – аллегория самопожертвования Христа, аспид – олицетворение дьявола, заяц – грешник, грех и т. п. В последней четверти XII в. в Западной Европе появляется сатирический животный эпос, где мы сталкиваемся с антропоморфизацией, т. е. наделением животных человечески-

ми качествами. До конца XVIII в. использование анималистических образов было строго регламентировано. Они существовали в рамках отведенных для них жанров: сказка, бестиарий, басня, пародия («Котомахия» Л. де Вега), сатирическая повесть или поэма («Бранкалеоне» Латробио, «Рейнеке-Лис» И. В. Гёте) и выступали в качестве символа, аллегии или метафоры. Искусство романтизма деканонизировало жанры, и анималистические образы стали использоваться в литературе шире: стихотворения У. Блейка, «Сказание о старом мореходе» С. Т. Кольриджа, «Житейские воззрения кота Мурра» Э. Т. А. Гофмана, «Моби Дик» Г. Мелвилла. При этом у романтиков в изображении животных в большей степени преобладал символизм и метафоризация.

Разнообразие форм и сюжетов произведений, где в качестве персонажей выступают животные, позволило исследователям говорить о существовании анималистического жанра, или анималистики. Однако, обратившись к словарям, мы обнаруживаем, что термин «анимализм» / «анималистика» / «анималистический жанр» прежде всего соотносится с изобразительным искусством: «Анимализм (анималистика, анималистический жанр) (от лат. *animal* – животное, зверь), жанр изобразительного искусства, посвященный животному миру» [4]. Похожие определения даются и в других источниках [5–7]. В связи с этим в современном литературоведении вопрос, связанный с дефиницией понятий «анималистика» и «анималистический жанр», является дискуссионным. Например, Ю.С. Орехова относит к анималистическому жанру любое произведение, в котором присутствуют образы животных: «Мифы о птицах и зверях, сказки о проделках животных-хитрецов, басни, сочинения фантастического характера о диких животных, эпические поэмы и сатирические повести о царстве животных – вот неполный перечень тех художественных форм, в рамках которых существует анималистическая литература. Основными персонажами этих произведений являются животные и птицы, реже люди» [8]. И. С. Емельянов говорит о необходимости разграничивать анималистический жанр литературы и выделяет «анималистику», т. е. произведения о реальных животных, и «бестиарий», подразумевая повествования о вымышленных животных [9]. Г. А. Коблякова настаивает на существовании литературного и художественного анимализма и выделяет 6 разновидностей литературного анимализма (классический натурализм, эмпатический натурализм, сравнительная антропология, сентиментальная анималистика, басни и литературная анималистическая сказка) [10]. Мы же исходим из того, что говорить об анималистическом жанре можно лишь в том случае, если анималистические образы в произведении не антропоморфизуются,

не метафоризируются и не связаны с аллегорией или символом, т. е. необходимо разграничивать произведения с использованием анималистических образов и собственно анималистику, где животные изображаются как биологические существа, живущие отлично от человека, но при этом обладающие разумом и испытывающие эмоции. В этом смысле анималистика появилась в литературе лишь на рубеже XIX–XX вв., когда под влиянием идей дарвинизма и философии позитивизма сформировался как разновидность рассказа о природе («nature story») анималистический рассказ («animal story»). У истоков этого жанра стоят канадские писатели Ч. Г. Д. Робертс и Э. Сетон-Томпсон, заставившие читателей увидеть в животных «самобытные характеры, свободные от антропоморфизма и субъективности человеческих оценок и интерпретаций» [11], средоточие мыслей и переживаний.

По мнению И. Н. Сухенко, отличительной чертой канадского анималистического рассказа является сочетание романтической формы повествования с документальностью в изображении событий [12]. Мы полагаем, что также можно говорить и о синтезе документального и художественного, что в полной мере находит отражение в анималистических рассказах Ч. Г. Д. Робертса, Э. Сетон-Томпсона и Ф. Моуэта. И именно произведения упомянутых писателей позволяют в полной мере проследить эволюцию анималистического рассказа в англоязычной канадской литературе, увидеть, как менялось соотношение документального и художественного, универсального и национального.

Ч. Г. Д. Робертс (1860–1943) по праву считается родоначальником жанра анималистического рассказа. И хотя у себя на родине писателя ценят, прежде всего, как поэта и автора исторических романов, который сформировал литературные традиции, способствовавшие развитию англоканадской литературы XX в. [12], он является автором почти 2 десятков произведений о природе и животных. Одним из ярких образцов анималистической прозы Ч. Р. Г. Робертса является рассказ «Воронята, которые вызывают к нему» (*The Ravens that Call Upon Him*, 1894). Ч. Р. Г. Робертс был увлечен дарвинизмом, поэтому в его произведениях природа и животный мир всегда изображались как непрерывающаяся борьба видов, в которой побеждает сильнейший. Эти представления нашли отражение и в «Воронятах, которые вызывают к нему». Рассказ открывается картиной предрассветных гор: «Безветрие царило даже на этой холодной вершине. От голой вершины до облачной дымки, прикрывавшей звезды, казалось, было рукой подать. ... Под самой верхней кромкой обрыва, на неровном, изоброжденном трещинами уступе, прилепилось орлиное гнездо» [13, с. 24]. Ч. Р. Г. Робертс с художественным мастерством и в то же вре-

мя с тщательным натурализмом описывает птиц и их повадки, делая акцент на заботе о птенцах в условиях бескормицы, которая ставит орлов на грань выживания: «Огромных птиц мучил голод. Даже птенцы, ради просящего разинутых клювов которых они безжалостно урезали себя – недоедали и беспокоились. ... Орлица-мать, более крупная и сильная, чем ее супруг, выглядела подавленно и удрученно. Ее хохол был растрепан. Ее глаза, свирепые и полные тревоги, временами тускнели, словно мертвели» [13, с. 24–25]. Беспристрастный взгляд писателя перемещается с гор на равнину, где вершится таинство рождения: молодая овца впервые обьягнлась. И вновь автор тщательно фиксирует повадки животного, мельчайшие изменения его поведения: «Почуввав признаки родовых мук, она отстала от стада, и непривычное одиночество давно томило ее дурными предчувствиями. Но едва ее слух коснулось первое слабое блеяние ягненка, все в ней словно переменялось. Ее страхи мгновенно усилились десятикратно, но это уже были страхи не за себя, а за свое дитя, и с ними в ее сердце хлынула удивительная и не ведомая ей раньше отвага. ... Когда первые проблески рассвета пали на пастбище, ярка утолила наконец взгляд видом крохотного дрожащего существа, лежащего на траве» [13, с. 26]. Ч. Р. Г. Робертсу блестяще удается передать пробуждение не просто инстинкта матери, но материнской любви. Однако умиротворенность в природе не более чем иллюзия, и идиллия сменяется трагедией: не успевшая насладиться материнством овца теряет детеныша, который становится добычей орла. Данное произведение, на наш взгляд, нельзя считать в полной мере анималистической прозой. «Воронята, которые вызывают к нему» больше тяготеют к жанру рассказа о природе, потому что животные в нем изображаются как существа, помимо своей воли вовлеченные в борьбу за выживание и ведомые, прежде всего, инстинктами, среди которых первичными оказываются забота о потомстве и голод. По мнению писателя, жизнь – это постоянная борьба за выживание, где смерть одного становится источником жизни для другого: «Жгучий голод унялся, птенцы грелись на солнце и подремывали, положив головы друг дружке на спины. Торжествующий орел сидел на своем уступе, уставясь на блистающий мир, расстилавшийся внизу. ... А там, внизу, на пологом открытом холме, все еще металась ярка, призывая своего ягненка и забыв о стаде, которое давно ушло на дальние-дальние пастбища» [13, с. 27]. В рассказе Ч. Р. Г. Робертса документальность превалирует над художественностью. Автор использует внешнюю фокализацию, которая предполагает объективированное и безоценочное отношение автора к изображаемым событиям. Однако писатель при кажущейся ней-

тральности не может не испытывать сочувствия к своим героям, он одинаково сострадает орлам, страдающим от голода, и овце, лишившейся детеныша. Вслед за автором и читатель не остается безучастным к их судьбам. Таким образом, Ч. Р. Г. Робертс предлагает новое видение мира животных. У писателя животные не только ведомые инстинктом, но всегда чувствующие, следовательно, их жизни не менее ценны, чем жизни людей.

Э. Сетон-Томпсон (1860–1946) был современником Ч. Р. Г. Робертса, но в его произведениях животные изображаются уже по-иному. Писатель, как и его соотечественник, был сторонником научной теории Ч. Дарвина, поэтому его персонажи-животные также почти всегда вынуждены бороться за выживание. При этом Э. Сетон-Томпсон при создании анималистических образов сочетал биологическую точность с высокой художественностью, часто прибегая к приему очеловечивания, который, однако, не имеет ничего общего с антропоморфизацией и метаморфизацией. Сетон-томпсоновское очеловечивание позволяет показать субъектность животного, которое обладает не только инстинктами, но и интеллектом, чувствами. Более того, прием очеловечивания позволяет писателю сравнить животных и людей, и авторское сравнение оказывается не в пользу последних. Животные у Э. Сетон-Томпсона всегда оказываются *нравственнее* человека, как, например, щенок в рассказе «Чинк» (Chink, 1901). Автор рассказывает историю взросления щенка, который из любви к человеку учится преодолевать страх. Э. Сетон-Томпсон с симпатией описывает проделки Чинка и старается взглянуть на мир глазами собаки, поэтому в рассказе два фокальных персонажа – нарратор и щенок: «Чинк был уже таким большим щенком, что считал себя замечательной взрослой собакой – и правда, замечательным он был, но совсем не таким, каким воображал» [13, с. 46]; «Но мало-помалу Чинк понял, что у фургонов есть длинные кнуты и большие злые собаки, что у лошадей на ногах есть зубы, что у телят есть матери, чьи головы снабжены крепкими дубинками, что кошка может оказаться скунсом, а осы вовсе не бабочки» [13, с. 47–48]. Будучи естествоиспытателем, Э. Сетон-Томпсон хорошо знал повадки животных, что позволили писателю мастерски передать поведение Чинка и его противника – койота. «Койот возвращался каждую минуту. Расхаживая вокруг, он скреб землю задними лапами в знак презрения и вдруг направлялся прямо ко входу в палатку, а бедный Чинк, полумертвый от страха, мужественно защищал имущество вверенное его охране» [13, с. 50–51]. Автор вместе с рассказчиком восхищается преданностью щенка: «Он мог бы прогрызть мешок, лежавший в палатке, и поест грудинки, но он не смел тронуть то, что ему доверили

охранять. ... Но нет, беда превратила его в настоящего сторожевого пса, и он должен был оправдать доверие хозяина во что бы то ни стало, был готов, если нужно, умереть на своем посту, в то время как его хозяин пьянствовал где-то за горой» [13, с. 51]. Таким образом, Э. Сетон-Томпсон декларирует, что животные – разумные существа и их действия не всегда продиктованы инстинктами. Так, койот совершенно осознанно издевался над Чинком, а щенок, несмотря на страх, осознанно защищал палатку хозяина. Конечно, Э. Сетон-Томпсон наделяет изображаемых животных большими интеллектом и чувствами, чем, вероятно, они обладают с научной точки зрения, но это дань гуманистическим взглядам писателя, который был убежден, что люди должны уважать животных.

Новым этапом развития канадской анималистической прозы стало творчество Ф. Моуэта (1921–2014). Произведения писателя тематически разнообразны: жизнь коренных жителей Канады – эскимосов, жизнь дикой природы, своеобразие животного мира Канады, выживание в суровых условиях Севера и т. д. Часто данные темы могут совмещаться в пределах одного произведения, как это происходит в рассказе «Последняя лайка» (The Last Husky, 1955). Повествование начинается голодом, который заставляет группу эскимосов покинуть зимнюю стоянку. Уходя, люди забирают с собой все имущество, но оставляют на стойбище умирающего старика, не желавшего быть обузой для общины. Старик отдает выкормленную и воспитанную им Арнук, единственную выжившую во время голода лайку. Для старого Мактука – это настоящая жертва: «... ибо она была ему за жену и мать в последнюю зиму его века. ... Ибо его любовь к этой собаке была очень велика, а ее жизнь была и его жизнь» [13, с. 196–197]. Однако собака сбегает, чтобы вернуться к хозяину. Только после смерти старого Мактука лайка решает вернуться к людям. Большая часть рассказа – повествование о странствиях Арнука, по памяти бегущей к летней стоянке эскимосов. Ф. Моуэт детально описывает состояние собаки, которая осталась среди снегов одна, растерянная, голодная, беременная. Автор фокусирует внимание на переменах, происходящих в сознании лайки в экстремальных обстоятельствах: «Откуда-то из вневременья в ней возрождались вечные инстинкты, таящиеся во всех живых клетках, так что собаке и новой жизни в ней не суждено было пропасть» [13, с. 199]. Отдельного внимания заслуживает эпизод, связанный со встречей лайки с волками. Воспитанная людьми Арнук видела в хищниках угрозу: «Ибо собаки ручные и собаки дикие ходят разными тропами, будучи братьями, отрекшимися от родства и ненавидящими друг друга» [13, с. 200–201]. Но, по мнению Ф. Моуэта, мир животных устроен более разумно и гу-

манно, чем мир людей. В этом мире жизнь беременной самки неприкосновенна, поэтому волки уходят, не тронув лайку. Приведенный эпизод важен для понимания взглядов писателя, который в изображении животных во многом продолжает гуманистическую традицию Э. Сетон-Томпсона. Не менее выразителен эпизод с волком-подростком, изгнанным из стаи и добровольно взявшим под опеку Арнук и ее щенков. Чтобы объяснить действия животного, Ф. Моуэт использует научные факты социального поведения волков, облакая их в беллетризованную форму: «Волки – общественные животные, быть может, даже в большей мере, чем собаки, и "одинокий волк" – всего лишь легенда. ... Изоляция от себе подобных – это для них чистилище, пройдя через которое, они навек запоминают, что такое одиночество и как оно терзает сердце» [13, с. 203]. Автор эмоционально рассказывает о сближении волка и лайки, дополняя повествование беллетризованной натуралистикой, говоря, например, о повадках и образе жизни животных, обитающих в арктической пустыне и тундре. Кульминация «Последней лайки» – смертельная схватка росомahi и молодого волка, о которой Ф. Моуэт пишет с огромной эмоциональностью: «Неистовая атака волка-подростка была так стремительна, что старый убийца успел лишь извернуться, чтобы подставить бок. Это уберегло его при первом столкновении, ибо страшные волчьи клыки, пронзив его толстую шкуру, сошлись мертвой хваткой не на горле, а на жилах в плече. ... Будь волк старше и опытней, он наверняка увернулся бы от контрудара, но он был молод и ослеплен преданностью, которую по доброй воле отдал росткам чуждого семени. И он не ослабил хватки даже тогда, когда зубы росомahi распахали его незащищенный бок» [13, с. 208].

«Последняя лайка» – это гимн Ф. Моуэта животным, которые зачастую в своих поступках оказываются благороднее людей, не случайно рассказ завершается напутствием Мактука-младшего к сыну: «Скоро ты станешь мужчиной и превосходным охотником, и вся великая равнина узнает твое имя и сноровку. ... И в те предстоящие годы все звери будут падать от твоего копья и лука – кроме одного. Ибо вовеки да не поднимешь ты руки на белого зверя, на Амарока, великого белого волка – пусть так воздастся ему от нас должное» [13, с. 209].

Анализ произведений Ч. Р. Г. Робертса, Э. Сетон-Томпсона и Ф. Моуэта позволяет сделать вывод, что развитие англоязычного канадского анималистического рассказа идет от «историй дикой природы» (wilderness stories) [12] к собственно анималистическому рассказу (animal story). Если в «историях дикой природы» документальность превалирует над художественностью, то в анималистическом рас-

сказе документальность минимизируется, а научные факты облекаются в беллетризованную форму. Так, Ф. Моуэт писал: «I was not willing to go to the other extreme and take the easy way out by writing fiction. My métier lay somewhere in between what was then a grey void between fact and fiction»¹ [14]. Если рассказы Ч. Р. Г. Робертса больше тяготеют к заметкам натуралиста, где объективное преобладает над субъективным, то в произведениях Э. Сетон-Томпсона и Ф. Моуэта объективное и субъективное неразрывно связаны. Ч. Р. Г. Робертс старается избегать авторских оценок при изображении событий, для чего использует внешнюю фокализацию, придающую его произведениям панорамность, в то время как в анималистических рассказах Э. Сетон-Томпсона и Ф. Моуэта обычно присутствуют несколько фокальных персонажей, что обуславливает смену фокала (например, внешняя фокализация сменяет нулевую и наоборот). Смена фокала позволяет читателю увидеть события с точки зрения разных героев, а также

проникнуться их чувствами и мыслями, при этом оба писателя обычно в качестве фокальных персонажей выбирают животных (Чинк у Э. Сетон-Томпсона, Арнук, волк-подросток, росомеха у Ф. Моуэта). Следует отметить, что особенностью анималистических рассказов Ч. Р. Г. Робертса и Ф. Моуэта является стремление писателей передать специфику жизни канадского региона. Так в «Воронятах, которые вызывают к нему» автор описывает суровую природу севера Канады, а Ф. Моуэт вводит в «Последнюю лайку» изображение быта инуитов. В рассказах Э. Сетон-Томпсона национальная специфика не нашла такого яркого воплощения, как в произведениях Ч. Р. Г. Робертса и Ф. Моуэта, что, на наш взгляд, обусловлено биографическими фактами: жизнь писателя была связана не только с Канадой, но и с США, а также с Европой.

Подводя итог, необходимо сказать, что при всех изменениях канадский анималистический рассказ на протяжении всего времени существования нес в себе колоссальный духовно-нравственный и дидактический потенциал, призванный воспитать в человеке более ответственное отношение к окружающему миру и способствовать формированию паритетных отношений между человеком и животными.

¹ «Я не хотел впасть в другую крайность и выбирать легкий путь – писать художественную литературу. Мое призвание лежало где-то посередине между тем, что тогда было серой пустотой между фактом и вымыслом» (прим. – перевод наш).

ЛИТЕРАТУРА

1. Токарев, С. А. Ранние формы религии и их развитие / С. А. Токарев ; под общ. ред. В. П. Алексеева ; сост. И. В. Тарасова. – М. : Изд-во полит. лит., 1990. – 662 с. – URL: https://royallib.com/read/tokarev_sergey/rannie_formi_religii.html#0 (дата обращения: 09.01.2025).
2. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп ; отв. ред.: В. И. Еремина, Н. М. Герасимова. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1986. – 362 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/propp_istoricheskie_korni_volshebnoj_skazki_1986_ocr.pdf (дата обращения: 09.01.2025).
3. Физиолог // Большая российская энциклопедия 2004–2017. – URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4711462> (дата обращения: 09.01.2025).
4. Анимализм // Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А. П. Горкина. – URL: <http://art.niv.ru/doc/encyclopedia/modern-illustrated/articles/253/animalizm.htm> (дата обращения: 09.01.2025).
5. Анималистический жанр // Современная энциклопедия. – URL: <https://clck.ru/3GB7dx> (дата обращения: 09.01.2025).
6. Анималистический жанр // Российский гуманитарный энциклопедический словарь. – URL: <https://clck.ru/3GB7vT> (дата обращения: 09.01.2025).
7. Анималистика // Исторический словарь галлицизмов русского языка. – URL: <https://clck.ru/3GB8AQ> (дата обращения: 09.01.2025).
8. Орехова, Ю. С. Анималистическая литература Франции: традиции и их трансформация в творчестве С.-Г. Колетт : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Орехова Юлия Сергеевна ; Рос. гос. ун-т. – Калининград, 2008. – URL: <https://www.disserscat.com/content/animalisticheskaya-literatura-frantsii-traditsii-i-ikh-transformatsiya-v-tvorchestve-s-g-kol> (дата обращения: 10.01.2025).

REFERENCES

1. Tokarev, S. A. Rannie formy religii i ih razvitie / S. A. Tokarev ; pod obshch. red. V. P. Alekseeva ; sost. I. V. Tarasova. – M. : Izd-vo polit. lit., 1990. – 662 s. – URL: https://royallib.com/read/tokarev_sergey/rannie_formi_religii.html#0 (data obrashcheniya: 09.01.2025).
2. Propp, V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki / V. Ya. Propp ; otv. red.: V. I. Eremina, N. M. Gerasimova. – L. : Izd-vo Leningr. gos. un-ta, 1986. – 362 s. – URL: https://imwerden.de/pdf/propp_istoricheskie_korni_volshebnoj_skazki_1986_ocr.pdf (data obrashcheniya: 09.01.2025).
3. Fiziolog // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya 2004–2017. – URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4711462> (data obrashcheniya: 09.01.2025).
4. Animalizm // Iskusstvo. Sovremennaya illyustrirovannaya enciklopediya / pod red. A. P. Gorkina. – URL: <http://art.niv.ru/doc/encyclopedia/modern-illustrated/articles/253/animalizm.htm> (data obrashcheniya: 09.01.2025).
5. Animalisticheskij zhanr // Sovremennaya enciklopediya. – URL: <https://clck.ru/3GB7dx> (data obrashcheniya: 09.01.2025).
6. Animalisticheskij zhanr // Rossijskij humanitarnyj enciklopedicheskij slovar'. – URL: <https://clck.ru/3GB7vT> (data obrashcheniya: 09.01.2025).
7. Animalistika // Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo yazyka. – URL: <https://clck.ru/3GB8AQ> (data obrashcheniya: 09.01.2025).
8. Orekhova, Yu. S. Animalisticheskaya literatura Francii: tradicii i ih transformaciya v tvorchestve S.-G. Kolett : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.03 / Orekhova Yuliya Sergeevna ; Ros. gos. un-t. – Kaliningrad, 2008. – URL: <https://www.disserscat.com/content/animalisticheskaya-literatura-frantsii-traditsii-i-ikh-transformatsiya-v-tvorchestve-s-g-kol> (data obrashcheniya: 10.01.2025).

9. Емельянов, И. С. Анималистика в прозе Владимира Федорова / И. С. Емельянов // Научный альманах. – 2015. – № 9 (11). – С. 1499–1501. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24844826_39655892.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
10. Коблякова, Г. А. Анималистическая литература / Г. А. Коблякова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2010. – Вып. 12. – С. 208–210. – URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2010/12/62.html> (дата обращения: 10.01.2025).
11. Белогурова, С. П. Анималистическая проза феномен как общественное сознание на рубеже XIX–XX вв. / С. П. Белогурова // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/animalisticheskaya-proza-kak-fenomen-obshchestvennogo-soznaniya-na-rubezhe-xix-xx-vv> (дата обращения: 10.01.2025).
12. Сухенко, И. Н. Творчество Ч. Роберта и проблемы становления национальной англоканадской литературы : дис. ... канд. фил. наук : 10.01.04 / Сухенко Инна Николаевна ; Днепрпетр. нац. ун-т. – Днепрпетровск, 2003. – 213 л. – URL: <https://mydisser.com/en/catalog/view/tvorchestvo-ch-robertsa-i-problemy-stanovleniya-nacionalnoy-anglokanadskoy-literatury.html> (дата обращения: 10.01.2025).
13. Рассказы канадских писателей : пер. с англ. / сост., предисл., справки об авт. А. Савуренок. – Л. : Художеств. лит., 1985. – 362 с.
14. Farley Mowat // The Canadian Encyclopedia. – URL: Mode of access: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/farley-mowat> (date of access: 11.01.2025).
9. Emel'yanov, I. S. Animalistika v proze Vladimira Fedorova / I. S. Emel'yanov // Nauchnyj al'manah. – 2015. – № 9 (11). – S. 1499–1501. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24844826_39655892.pdf (data obrashcheniya: 10.01.2025).
10. Koblyakova, G. A. Animalisticheskaya literatura / G. A. Koblyakova // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. – Tambov : Gramota, 2010. – Vyp. 12. – S. 208–210. – URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2010/12/62.html> (data obrashcheniya: 10.01.2025).
11. Belogurova, S. P. Animalisticheskaya proza fenomen kak obshchestvennoe soznanie na rubezhe XIX–XX vv. / S. P. Belogurova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19, Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2008. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/animalisticheskaya-proza-kak-fenomen-obshchestvennogo-soznaniya-na-rubezhe-xix-xx-vv> (data obrashcheniya: 10.01.2025).
12. Suhenko, I. N. Tvorchestvo Ch. Robertsa i problemy stanovleniya nacional'noj anglokanadskoj literatury : dis. ... kand. fil. nauk : 10.01.04 / Suhenko Inna Nikolaevna ; Dnepropetr. nac. un-t. – Dnepropetrovsk, 2003. – 213 l. – URL: <https://mydisser.com/en/catalog/view/tvorchestvo-ch-robertsa-i-problemy-stanovleniya-nacionalnoy-anglokanadskoy-literatury.html> (data obrashcheniya: 10.01.2025).
13. Rasskazy kanadskih pisatelej : per. s angl. / sost., predisl., spravki ob avt. A. Savurenok. – L. : Hudozhestv. lit., 1985. – 362 s.
14. Farley Mowat // The Canadian Encyclopedia. – URL: Mode of access: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/farley-mowat> (date of access: 11.01.2025).